

5-й Восточно-Сибирекій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

День 18 числа начался и продолжался обычнымъ образомъ, но когда стемнѣло, произошелъ интересный эпизодъ. Вслѣдствіе постоянныхъ тревогъ и опасеній за гору, ѣда и въ умѣ не идетъ; но ко сну начинаетъ клонить, и я, пользуясь сравнительнымъ спокойствіемъ и надеждой на то, что послѣ хорошаго урока, японцы не скоро придутъ въ себя, вышелъ на воздухъ (въ блиндажѣ было страшно душно) и присѣлъ на откосъ, какъ вдругъ опять тревога: затрещали винтовки и загрохотали ручныя бомбы. Вскакиваю на ноги и вижу, что съ праваго редута сбѣгаютъ люди, впрочемъ ихъ было немного; тамъ стояли моряки съ мичманомъ Соймоновымъ.

«Что такое!», спрашиваю, «Бѣжимъ за бомбочками, всѣ вышли, японцы заняли нашъ редутъ». — «Ахъ вы ротозѣи», кричу на нихъ: «опять прозѣвали. Не медля назадъ, и передать мичману Соймонову, что я приказалъ выбить японцевъ». Матросы убѣжали. Черезъ 10 минутъ, вмѣстѣ съ трескомъ стрѣльбы на правомъ редутѣ, раздается громкое и дружное «ура» и черезъ полминуты смолкаетъ. Прибѣжалъ посыльный отъ мичмана Соймонова и докладываетъ, что траншеи отняли, но въ редутѣ японцы еще сидятъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 10.

Я догадался, что матросы не въ силахъ взять редута. Послалъ въ штабъ телеграмму: «прошу прислать хоть одну свѣжую роту», но, вѣроятно, ее не было, т. к. ни роты, ни отвѣта не получилъ. А наверху, тѣмъ временемъ, все успокоилось. Я совершенно изнемогъ, все думалъ, что мнѣ дѣлать въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Часовъ около 2 ночи получаю телеграмму: посылаются нестроевые 2 полка съ фельдфебелемъ Курносовымъ. Немедля организуйте контръ-атаку и выбейте японцевъ».

Дѣйствительно нестроевые съ молодцомъ заурядъ-прапорщикомъ Курносовымъ пришли. Кромѣ этой команды взялъ какую-то команду, оказавшуюся у подошвы горы, самъ повелъ ихъ наверхъ (никто не зналъ хорошо расположенія укрѣпленій), обошелъ и осмотрѣлъ редутъ со всѣхъ сторонъ вмѣстѣ съ Курносовымъ.

Японцы удивительно смирно сидѣли въ немъ. Разставилъ людей, назначилъ старшихъ въ каждой колоннѣ (одна должна была атаковать съ тыла, а другая съ праваго фланга) и указалъ имъ цѣли дѣйствій. По сигналу обѣ колонны разомъ должны были броситься на редутъ; но прежде этого сигнала люди вдругъ начали стрѣлять и кричать «ура». Гвалтъ подняли такой, что никакой голосъ не могъ быть слышенъ, а личный примѣръ, за темнотой, не могъ быть виденъ. Долго продолжалась безалаберная стрѣльба и невообразимый гвалтъ, и, наконецъ, все смолкло. Черезъ нѣсколько секундъ опять стрѣльба и гвалтъ. Ну, думаю, съ нестроевыми ничего не подѣлаешь, а темнота и пересѣченность мѣста дѣйствія отнимали всякую возможность управленія дѣломъ. Рѣшилъ подождать зарн, о чемъ и донесъ. Все смолкло. Но вотъ приходитъ Соймоновъ и докладываетъ, что подняли крикъ и стрѣльбу стрѣлки. Его матросы бросились на валъ, но ихъ встрѣтили выстрѣлами. Было совершенно темно, и люди залегли за наружнымъ гребнемъ и дальше не пошли. Думаютъ, что японцевъ тамъ очень много. Теперь въ редутѣ подъ блиндажемъ кто-то курить. «Почему-же вы думаете, что въ редутѣ много японцевъ», спрашиваю я. «Да, я-то признаться, не знаю, сколько ихъ тамъ, и мнѣ кажется, что ихъ тамъ не можетъ быть много, п. ч. залпъ былъ жиденькій, но темно и люди боятся». — «Возьмите бомбы и забросайте ими редутъ», говорю я. Отправилъ штукъ 100 бомбъ. Черезъ нѣсколько минутъ на редутѣ загремѣли бомбы и все опять смолкло. Долго продолжалось молчаніе. Наконецъ я не выдерживаю и посылаю къ Соймонову вызвавшагося сходить и все узнать офицера.

Черезъ часъ или два, уже не помню, офицеръ возвращается и сообщаетъ, что онъ черезъ нижнюю траншею обошелъ весь редуть и никого не встрѣтилъ; потомъ вскарабкался въ амбразуру и заглянулъ внутрь редута—тамъ никого не оказалось и только еле теплилась одна головешка въ кучѣ сгорѣвшихъ досокъ и бревенъ. Редуть сейчасъ же заняли.

Японцы, видимо уstraшенные нашими бомбами, сами ушли изъ редута. Не медля донесъ объ этомъ радостномъ обстоятельстве и въ редуть, на смѣну матросовъ, послалъ роту стрѣлковъ, только что пришедшихъ на гору.

Къ сожалѣнiю, позабылъ фамилiю молодца офицера, пробравшагося въ редуть, и если онъ живъ, пусть самъ откликнется, ему не откажутъ въ Георгiевскомъ крестѣ.

А спину у меня начинаетъ ломить довольно сильно, и появилась какая-то жгучая боль; все это время я не раздѣвался и не смотрѣлъ, какое поврежденiе мнѣ нанесено ударомъ отъ разрыва бомбы. Кромѣ того я физически совершенно изнемогъ. Нужно было возстановить упавшiя силы, и я сталъ ждать отвѣта на мою просьбу разрѣшить мнѣ сойти съ горы, для осмотра контузiи и подачи медицинской помощи. Разрѣшенiе было дано, и присланъ мой замѣститель подп. Органовъ, прежде всего заявившiй мнѣ, что онъ совершенно незнакомъ съ укрѣпленiями горы и расположенiемъ въ нихъ гарнизона, поэтому онъ не можетъ командовать съ успѣхомъ и чтобы я пришелъ обратно, какъ можно скорѣе. Я пообѣщаль придти на другой день утромъ и поѣхаль въ штабъ.

Контузiю осмотрѣлъ нашъ докторъ Федоръ Семеновичъ Троицкiй и нашель кромѣ значительной синей опухоли и ранку отъ осколка, уже сильно загноившуюся. А мой денщикъ Петръ Равинскiй, когда встряхнулъ снятую съ меня сѣрую ватную куртку, обнаружилъ цѣлую кучу стальныхъ стружкообразныхъ осколковъ. Толстый слой ваты и толстое сукно не допустили ихъ до тѣла, и они застряли въ ватѣ; только одинъ, вѣроятно, болѣе компактный, прошелъ насквозь и причинилъ пораненiе. Послѣ разговора съ генераломъ Кондратенко, легъ спать.

На другой день, 19-го ноября, утромъ въ штабъ прiѣхаль нашъ главный крѣпостной докторъ и отвезъ меня въ 9-й госпиталь, гдѣ докторъ Крживецъ сдѣлаль мнѣ операцiю, но осколка не вынули; онъ сказалъ, что искать его, значить, сильно разбередить рану, а такъ какъ онъ небольшого размѣра, судя по ранѣ, не больше четверти ногтя мизинца, то заростеть и беспокоить не будетъ.

Послѣ операціи вернулся въ штабъ. Тамъ уже сидѣлъ Кондратенко. Онъ былъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько встревоженъ.

«А за вами съ горы уже присылали, тамъ не спокойно, и комендантъ сильно волнуется, поѣзжайте, пожалуйста, Николай Александровичъ поскорѣй». Немедля приказаль сѣдлатъ лошадей и поѣхаль.

На горѣ, видимо, все было спокойно; никакой суеты не замѣчалось. Подѣзжая, я у подошвы нашель массу народа различныхъ частей и родовъ оружія. Жандармы съ ротмистромъ княземъ Николадзе ихъ собирали и устраивали. Поздоровавшись съ людьми, я полѣзь на гору.

Канонада была слабая, и я благополучно добралси до тыльной дороги. Комендантъ съ нескрываемой радостью встрѣтилъ меня и отрапортоваль, что все благополучно. «Что же вы такъ волновались», спрашиваю я. «Да, помилуйте, я здѣсь, какъ въ лѣсу, ни людей, ни офицеровъ, ни мѣстности не знаю; ночь не спали», отвѣчалъ мнѣ комендантъ, видимо очень тяготившійся своимъ безпомощнымъ положеніемъ.

Въ сущности наши обстоятельства были отличны. Всѣ были на своихъ мѣстахъ. Прибыло нѣсколько командъ матросовъ, и одна изъ нихъ лейтенанта Лаврова была замѣчательна. Всѣ матросы были въ какомъ-то восторженномъ настроеніи, какъ и самъ лейтенантъ Лавровъ. На первыхъ же порахъ онъ мнѣ доложилъ, что всѣ его люди готовы на всякое опасное дѣло. Это была воздухоплавательная команда, дѣлавшая у насъ воздушный шаръ. Они его дѣйствительно сдѣлали, но матеріала для добычи водорода не было, и потому нашъ шаръ не полетѣлъ, а какъ его было нужно.

«Если будете вызывать охотниковъ», говорилъ лейтенантъ», «то выйдутъ всѣ до одинаго человѣка». И онъ говорилъ правду.

Уже поздно вечеромъ мнѣ нужно было сдѣлать рекогносцировку пустой нижней траншеи и японскихъ окоповъ передъ фронтомъ горы. Вызваль охотниковъ. Дѣйствительно вся команда пожелаала идти. Тогда бросили жребій, и 3 удалца, радуясь своему счастью, пришли въ блиндажъ, это были: машинистъ квартирмейстеръ *Яковъ Артюкъ*, матросы 1-й статьи *Иванъ Нефедовъ* и *Федоръ Пилыцковъ*; одинъ изъ нихъ молодой, безусый красавецъ, особенно мнѣ бросился въ глаза своимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ. Разказаль имъ, что нужно дѣлать, перекрестилъ и отправилъ съ Богомъ.

Все было спокойно. Въ блиндажѣ собралось человекъ 10 офицеровъ. Мы разсуждали о томъ, что предпринять, чтобы обезопасить нашу тыльную дорогу, гдѣ всегда была масса народу, отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ съ батареи, поставленной японцами у деревни Шуйшунинъ. Пришли къ заключенію, что единственное средство отъ нея избавиться, это сбить ее пушкамъ съ фортвъ.

Эту просьбу я немедля и послалъ ген. Кондратенко. Кромѣ того приказалъ безъ дѣла никому не выходить изъ окоповъ. Помимо этого рѣшили поставить нѣсколько траверсовъ, чтобы хоть немного закрыть тѣхъ, кому необходимо было быть на дорогѣ. Люди изъ окоповъ приходили, главнымъ образомъ, за водой и за ручными бомбами, которыхъ нужно было особенно много, и слава Богу, что насъ ими снабжали очень исправно—мастерскія поручика Меликъ-Парсаданова и мичмана Власьева дѣйствовали исправно

Нужно сказать, что въ штабѣ я не успѣлъ выспаться какъ слѣдуетъ, и меня теперь сильно клонило ко сну. Я прилежъ на нару и заснулъ. Въ 2 ч. ночи меня разбудили; пришли посланные на рекогносцировку матросы цѣлые и невредимые и на перебойъ разсказывали, что прошли до дальней японской траншеи; тамъ былъ только одинъ часовой, котораго они убили. Во всѣхъ траншеяхъ, передъ фронтомъ горы, а ихъ было немало, не оказалось ни одного японца. Наша разрушенная круговая траншея также была совершенно пуста, но по ней ходить было нельзя, такъ какъ она была переполнена землей, камнями, ломомъ дерева и желѣза.

Похвалилъ молодцовъ и далъ имъ по кресту (ген. Кондратенко снабдилъ меня нѣсколькими, для немедленной раздачи достойнымъ на мѣстѣ). Сильное впечатлѣніе производятъ на людей такія награды. Тутъ же послалъ еще трехъ вызвавшихся узнать, гдѣ сидятъ японцы на лѣвой атакованной части горы, это были: Березнюкъ, Петровъ изъ инородцевъ, крестникъ лейтенанта Лаврова, Семень Вондаревъ (Черниговской губ., Суражскаго уѣзда, деревни Шелуховка; у него есть мать и жена), парусникъ 1-й статьи, Холоденко, матросъ 1-й статьи (маляръ).

Я имѣлъ причину думать, что наша круговая брошенная траншея вся пуста. Если бы это было въ дѣйствительности такъ, то мы ее должны были занять и насколько возможно поправить. Оттуда было очень удобно дѣлать вылазки противъ головъ сапъ.

Долго мы ждали посланныхъ молодцовъ, но... не дождались. Наступило утро, и началась обычная дѣятельность. На лѣвомъ

флангъ загрохотали ручныя бомбы и разрывы 11 д. снарядовъ. Многіе изъ нихъ перелетали къ врагу возлѣ телефоннаго блиндажа; нѣкоторые не разрывались и, щелкнувшись о землю, кувыркомъ медленно рикошетировали на Фальшивую сопку. Зрѣлище было интересное, и солдаты съ любопытствомъ наблюдали эти перелеты, остра насчетъ неисправныхъ японскихъ канонировъ.

На возмѣщеніе дневной убыли пришла нестроевая команда, не помню теперь, какого полка, съ квартирмейстеромъ. Люди расположились въ резервныхъ окопахъ, а офицеръ сталъ осматривать дорогу и лежавшія на ней кучи убитыхъ. Я ему предложилъ сѣсть въ окопъ или прислониться къ почти отвѣсному откосу дороги. Но молодой офицеръ заявилъ мнѣ, что онъ не боится такихъ снарядовъ, при этомъ онъ указалъ рукой на перелетѣвшую и сдѣлавшую интересный рикошетъ 11 дюймовку, но въ этотъ моментъ раздался страшный трескъ, и офицера закрыло облако чернаго дыма отъ разрыва крупнаго снаряда возлѣ самаго того мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Когда разсѣялся дымъ, офицера на томъ мѣстѣ уже не было.

Изъ лѣваго редута прислали сказать, что тамъ нѣтъ ни одного офицера и просили прислать кого-нибудь, такъ какъ японцы начинаютъ шевелиться. Послали подпоручика Шаховского и съ нимъ человекъ 20 съ бомбочками. Часамъ къ 12-ти дня канонада разгорѣлась такая, что нельзя было разговаривать обыкновеннымъ образомъ, нужно было кричать. Нашу дорогу засыпало снарядами. Но все обошлось какъ-то счастливо. Пришелъ новый комендантъ горы капитанъ Веселовскій, смѣлый и разумный офицеръ, не разъ уже оказывавшій большія услуги моему отдѣлу обороны и всегда съ готовностью исполнявшій всѣ мои порученія.

Приятно видѣть, когда офицеръ идетъ на опасное предпріятіе спокойно и безъ отговорокъ, и себя чувствуешь какъ-то крѣпче и духомъ, и даже тѣломъ. Веселый видъ начальника и спокойныя распоряженія поразительно благотворно дѣйствуютъ на людей. Такой начальникъ заслуживаетъ всегда безграничное ихъ довѣріе; они съ подобострастіемъ на него смотрятъ, и немислимо предположить, чтобы они отказались повиноваться ему, даже въ минуты смертельной опасности.

Могу даже сказать, что чѣмъ больше опасность, тѣмъ люди беззаветнѣе отдаются волѣ заслужившаго ихъ уваженіе и довѣріе начальника.

Много значить на войнѣ хорошій офицеръ, и непоправимый вредъ можетъ принести плохой.

Нужно выбирать офицеровъ въ армію и всевозможными средствами ограничивать притокъ ненадежныхъ; солидныя знанія вышнихъ военныхъ наукъ большой роли не играютъ, но важна душа человѣка, а ее никакими патентами не опредѣлишь, и узнать въ мирное время—задача весьма трудная, и по плечу она только исключительнымъ людямъ. Къ сожалѣнію, офицеры начальнику даются, а не онъ самъ ихъ выбираетъ, да и гдѣ же найти все хорошихъ офицеровъ, но въ дѣлѣ распознаванія людей могутъ намъ помочь аттестаціи корпуснаго и училищнаго начальства.

Благородная гордость, благородство мыслей, а значить и поведенія, сознаніе святости офицерскаго дѣла, вотъ что военный человѣкъ долженъ всосать въ себя съ молокомъ матери. Для этого нужно комплектовать офицерскій составъ изъ общества съ благородными традиціями.

Физическая сила и здоровье играютъ также важную роль въ пригодности офицера; поэтому всемѣрно нужно развивать въ офицерскомъ обществѣ занятія спортами, развивающими ловкость и силу.

Жизнь офицера нужно обставить безбѣдно и даже роскошно; это уничтожить пришибленность армейскаго офицера; нужно, чтобы офицеры занимали въ обществѣ высокое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ легко и охотно переносили лишенія боевой и походной жизни. Для этого необходимо имъ привить сознаніе, что ихъ дѣло даже въ мелочахъ имѣетъ высокое государственное значеніе, что и есть въ дѣйствительности.

Великій талантъ носить въ себѣ хорошій офицеръ, и этотъ талантъ встрѣчается во сто кратъ рѣже, чѣмъ талантъ художника, ученаго или даже выдающагося общественнаго дѣятеля.

Уже поздно, а канонада грохочетъ не переставая; снаряды очень близко ложатся около нашего жалкаго блиндажа. Это все дѣлаетъ Шуйшуннская батарея. Какъ это ее до сихъ поръ не могутъ уничтожить. Блиндажъ нашъ, правда, присловенъ къ отвѣсной скалѣ, стойки 8-ми и 9-ти вершковыя, но покрытіе состоитъ изъ 8 дюйм. брусевъ и аршинной толщины слоя очень крупнаго камня съ глиной; такое покрытіе выдерживало удары 6 д. бомбы (одна попала, но не разрушила); но 11 д. снаряды, конечно, пробьютъ его, какъ масло.

Такъ вотъ въ такомъ-то блиндажѣ мы сидѣли и мирно бесѣдовали. Мы удивлялись глупости японцевъ—они теперь лѣзутъ на Высокую, но это нужно было сдѣлать гораздо раньше; они рас-

шибаютъ лобъ о наши довольно сильные центральные форты и на этомъ погубили цѣлую армію.

А что имъ стоило сдѣлать сильную высадку въ Голубиной

Входъ въ комендантскій блиндажъ на Высокой горѣ.

бухтѣ, занять Ляотешань и оттуда, наблюдая бухту, уничтожить нашъ флотъ, а потомъ взять Новый городъ, очень плохо защищенный со стороны Ляотешаня.

Напрасно приписываютъ имъ большія знанія и большое искусство въ военномъ дѣлѣ. Большой храбрости я въ нихъ также не вижу; такого же мнѣнія о нихъ и наши стрѣлки.

Японецъ очень остороженъ, онъ не любитъ бравировать смѣлостью. Правда, онъ идетъ въ атаку настойчиво, но на это влѣяютъ много причинъ: прежде всего первоначальный успѣхъ, во-вторыхъ, малочисленность нашего гарнизона и затѣмъ съ неидущими въ атаку у нихъ расправляются безъ церемоніи, шрапнелью. И я глубоко убѣжденъ, что въ будущую кампанію, когда у насъ будетъ двойной путь въ Маньчжуріи, когда Владивостокъ будетъ сильно укрѣпленъ, будетъ удвоена артилерія и заведены пулеметы на каждую роту, мы ихъ разобьемъ и выгонимъ съ континента.

Такъ ораторствуя, досидѣли мы и до вечера. Канонада затихла, и можно было ставить самовары и для насъ, и для людей.

Сегодня наши потери, несмотря на страшный артилерійскій огонь, были сравнительно ничтожны. Люди уже хорошо примѣнились къ мѣстности, научились прятаться отъ осколковъ и хорошо изучили безопасные отъ бомбъ уголки.

Въ 8 час. вечера, какъ и всегда, привезли обѣдъ съ фунтовой порціей конины; самовары закурились, и люди свободно спускались внизъ и поднимались на гору; нѣкоторые даже мылись въ ручьѣ у подошвы. Всѣ отдыхали, кромѣ часовыхъ, которые съ бомбами въ рукахъ, зорко караулили японцевъ. Если сторожъ бросалъ бомбу, то всѣ становились на свои мѣста; люди изъ окоповъ отпускались по очереди, небольшими командами.

Саперы съ пришедшимъ резервомъ часовъ съ 8-ми подъ руководствомъ заур. пр. Ермолова стали на работу и земляными мѣшками начали задѣлывать поврежденія, вѣрнѣе сказать, они изъ земляныхъ мѣшковъ вновь строили окопы, кромѣ того начали ходить сообщенія по тылу горы. Отъ старыхъ окоповъ обыкновенно оставалось очень немного. Хорошо, что я заготовилъ въ полковомъ депо значительное количество мѣшковъ, и въ нихъ не было недостатка.

Сегодня часовъ въ 12 ночи я обошелъ лѣвофланговый редутъ и другія укрѣпленія. Кромѣ лѣваго его фаса, онъ былъ совершенно разрушенъ, и внутренній его ровъ былъ заваленъ трупами. Приказалъ ихъ вынести, благо, что было совершенно тихо. Въмѣсто средней траншеи съ фланкирующими частями были бугры изъ щебня и рваныхъ земляныхъ мѣшковъ. Правый редутъ пострадалъ немного и вполне былъ способенъ къ оборонѣ. Атаковать его япон-

цы отказались, такъ какъ Плоская гора служила большимъ къ тому препятствіемъ. Одна изъ попытокъ атаковать эту часть Высокой стоила имъ больше тысячи человѣкъ, и подступы были еще далеко отъ вершины.

Лѣвофланговая часть круговой нижней траншеи совершенно цѣла, и люди тамъ отлично помѣщаются; отъ разрушенной части отгородились глухой и толстой стѣной. Ночью предприняли небольшую вылазку.

20-го ноября утромъ. Изъ за неудачи охотниковъ по вылазкѣ, день начался перестрѣлкой и бомбочками. Шуйшуйнская батарея дѣлаетъ намъ большія неприятности: ранила трехъ офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Около 8 ч. утра на лѣвомъ редутѣ затрещали винтовки, и грохнуло нѣсколько бомбочекъ—плохая примѣта.

Вышелъ наружу и поднялъ резервъ. Сверху доносили, что японцы лѣзутъ на штурмъ, и офицеръ просилъ помощи. Для ободренія помощь послалъ.

Къ моему удивленію слышу на атакованномъ редутѣ крикъ и вижу спускающихся съ вершины людей; это наши не выдержали и отступаютъ. Бросаюсь съ офицерами и резервомъ на встрѣчу, чтобы остановить отступленіе; но поздно, меня свалили съ ногъ. Люди съ редута посыпались внизъ по отлогости горы. Но резервъ устоялъ. Сталъ звать командира резерва, но его не было, и я самъ долженъ былъ его замѣнить. Хорошо, что это была наша рота; по моему приказанію люди бросились на верхъ, и японцы бомбами были выбиты изъ редута. Тутъ отъ японскихъ бомбъ мы потеряли много людей.

Комендантъ въ это время обходилъ правый флангъ горы и не видалъ происходившаго. Отбитію много помогли рабочіе, возобновлявшіе среднюю, между редутами, траншею. Они ударили въ лѣвый флангъ японцевъ. Я такъ и не узналъ, кто изъ офицеровъ собралъ и повелъ ихъ въ атаку.

Неприятныя минуты я пережилъ во время этой паники, хорошо, что японцевъ было не много.

Въ редутѣ я оставилъ резервъ. Куда дѣвались люди изъ редута, я такъ и не узналъ, мнѣ было не до розысковъ. Потомъ изъ разпросовъ узналъ, что японцы подкрались незамѣтно и удачно бросили нѣсколько бомбъ. Офицеръ былъ убитъ, очень многихъ перекальчило и опалило, и люди не выдержали.

Резервы мои истощились; просилъ прислать на помощь сколько можно моряковъ. Такъ какъ нужно ждать сильнаго штурма съ минуты на минуту, то я заранѣе сталъ на свой наблюдательный пунктъ.

Последніе резервы идутъ на Высокую; безъ винтовокъ—это служители лазаретовъ, которые должны получить винтовки на самой горѣ отъ убитыхъ. На горизонтѣ—Высокая гора, слева—Фальшивая, справа—Плоская.

Вотъ опять затрещали винтовки на лѣвомъ редутѣ. Значитъ японцы зашевелились въ своей полупаралели.

Шуйшуинская батарея страшно насъ донимаетъ. Чтобы не

привлекать ея вниманія, приказаль перевязочный пунктъ спустить подъ гору. Половину людей изъ праваго редута взялъ въ резервъ. Прислали только 10 человекъ, говорятъ, это половина роты. Люди въ лѣвомъ редутѣ стоятъ крѣпко.

Уже долго длится перестрѣлка и метаніе бомбочекъ.

Японцы, видимо, не рѣшаются атаковать (они ужасно боятся нашихъ бомбочекъ), а канонада не утихаетъ. 11" чемоданы (такъ люди называютъ 11" снаряды), такъ и долбятъ въ лѣвый редутъ. Правый флангъ разбитъ ими совершенно, и признаками бывшаго здѣсь укрѣпленія служатъ щебень, щепки и обломки бревень. Но этотъ фасъ нельзя атаковать, такъ какъ онъ находится подъ сильнымъ огнемъ фланкирующей траншеи и окоповъ Плоской горы, которую японцы, послѣ массоваго ихъ избіенія, очень боятся. Съ лѣваго редута прошло уже много раненыхъ, и кубаремъ скатилась масса немогущихъ идти; это катанье живыхъ еще людей изъ редута по крутому склону горы, всегда производило на меня очень непріятное впечатлѣніе. Уже не разъ прибѣгали оттуда за помощью и бомбочками; помощи дать не могъ, а бомбочки отправилъ съ 5 человекъ изъ резерва; это должно ободрить людей.

Но вотъ, слава Богу, пришли моряки съ массою офицеровъ. Немедля послалъ въ редутъ команду съ заурядъ-чиновникомъ морского вѣдомства, а можетъ быть, это былъ прапорщикъ флота; команда благополучно дошла и вошла въ редутъ прямо черезъ брустверь (входъ былъ разбитъ и заваленъ). Но вотъ я вижу, что заурядъ-чиновникъ выбѣгаетъ изъ редута, за нимъ человекъ 20 матросовъ и стрѣлковъ. У меня сердце екнуло. Смотрю дальше, заурядъ-чиновникъ легъ на землю, матросы сдѣлали тоже и стрѣляютъ изъ винтовокъ. Но вѣдь это на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ особенно часто тыкаются 11" снаряды. Посылаю сказать ему, чтобы опять вошелъ въ редутъ; видѣлъ, какъ посыльный дошелъ и передалъ мое приказаніе; но люди все лежатъ на своемъ мѣстѣ.

Это меня взорвало, и я послалъ сказать заурядъ-чиновнику, что я его растрѣляю немедля, если онъ останется на этомъ мѣстѣ. Черезъ секунду я почувствовалъ, что моя угроза была сильна слишкомъ; но посланный уже ушелъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ ч. получаю отвѣтъ, что въ редутѣ завалило часть рва и сорвало часть бруствера, и люди не могутъ помѣститься тамъ. Я тотчасъ приказалъ передать заурядъ-чиновнику, что я извиняюсь за неумѣстное приказаніе и очень его благодарю за распорядительность и смѣлость. Это передалъ ему унтеръ-офицеръ, прибѣгавшій за бомбочками. Много снарядовъ

ложились около кучки матросовъ и заурядъ-чиновника, который съ палашомъ наголо стоялъ на одномъ колѣнѣ, но все проходило благополучно; даже у блиндажа и на дорогѣ было много раненыхъ,

Углубленные дворы для орудій.

а тамъ всё живы и здоровы. Всё стоявшіе возлѣ меня офицеры выражали удивленіе такому непостижимому счастью. Но вотъ прошумѣлъ 11" снарядъ; съ оглушительнымъ грохотомъ разорвался у самой кучки матросовъ и густымъ чернымъ дымомъ закрылъ отъ насъ ужасную картину; всё ахнули... Разсѣялся дымъ, и мы увидали такъ же лежащихъ матросовъ и такъ же стоящаго на одномъ ко-

лѣнѣ заурядъ-чиновника. Всѣ радостно вздохнули. Какъ я жалѣю, что не спросилъ фамилію этого заурядъ-чиновника.

Канонада начинаетъ стихать—вѣрный признакъ близкаго и даже неминуемаго штурма. Еще неистовѣе загремѣли на редутъ наши бомбочки. Часть моряковъ послалъ къ редуту, другую въ среднюю траншею, чтобы, въ случаѣ нужды, броситься въ штыки на атакующихъ съ фланга. Но атаки все нѣтъ да и нѣтъ; совсѣмъ запугали наши бомбочки японцевъ; чудное средство для сидящаго наверху и гибель идущему снизу.

Вотъ уже и вечеръ, а мы все въ выжидательномъ положеніи. Тутъ случилось непріятное для насъ происшествіе. Въ нижнемъ резервномъ ложементѣ сидѣла команда отъ нашей третьей роты съ заурядъ прапорщикомъ Москвинымъ; люди сидѣли глубоко въ ложементѣ, а заурядъ-прапорщикъ нѣсколько выше ихъ и высунулся на полтуловища изъ ложемента. Вдругъ большой снарядъ ударилъ, какъ мнѣ показалось, около самой головы Москвина. Когда дымъ разсѣялся, заурядъ-прапорщикъ безъ движенія лежалъ на ступенькахъ ложемента; его немедленно вынесли на дорогу; онъ былъ въ безчувственномъ состояніи, но раненъ не былъ. Я не понимаю, какъ его не разорвало на куски.

Впослѣдствіи оказалось, что Москвинъ былъ страшно контуженъ въ грудь и голову; онъ совершенно лишился слуха, языка и движенія правыхъ конечностей. Человѣкъ онъ былъ выдающейся храбрости, и мнѣ было страшно его жалъ.

Черезъ мѣсяцъ движеніе конечностей и рѣчь возстановились; онъ пережилъ плѣнъ и умеръ здѣсь, въ Кіевѣ, отъ послѣдствій его страшной контузіи. Я не могъ присутствовать на его похоронахъ, но моя жена проводила прахъ нашего храбраго воина.

Вотъ уже и день проходить, а штурма нѣтъ; невѣроятное обстоятельство; неужели я ошибся относительно намѣреній японцевъ?

20-го ноября къ вечеру. На Высокой собралось особенно много частей, и я во избѣжаніе тѣсноты половину спустилъ внизъ къ стрѣлковымъ кухнямъ.

Читающій внимательно эти записки не можетъ не задать мнѣ вопроса: что же это за странность? Войска на гору только прибываютъ, а съ горы не уходятъ и это было почти такъ. Нужно не забывать, что удержаніе Высокой намъ стоило 4,000 человѣкъ; части приходили въ порядочномъ составѣ; понесся сильныя потери, онѣ обыкновенно смѣнивались съ вновь прибывшими.

Засимъ ко мнѣ являлся старшій изъ оставшихся въ живыхъ и докладывалъ, что такая то рота или команда совсѣмъ истратилась; осталось столько то человѣкъ уставшихъ, не позволите ли сойти на отдыхъ.

Я такія команды всегда отпускалъ, поблагодаривши ихъ за геройскую службу, и довольные остатки съ триумфомъ удалялись къ намъ въ штабъ.

Но дѣлалось это тогда, когда на горѣ были свѣжія части, успѣвшія вполне ознакомиться съ обстановкой.

Послѣ происшедшей перепалки мы успокоились и собрались въ комендантскій блиндажъ выпить чаю; на столѣ, возлѣ котораго сѣлъ я съ комендантомъ, кипѣлъ самоваръ; комендантъ угощалъ всѣхъ по очереди чаемъ (стакановъ было только 2). Пришедшіе на гору моряки начали рассказы про дѣла въ центрѣ, гдѣ такъ блестяще мы отбили японскіе штурмы.

Всѣ были убѣждены, что больше такихъ штурмовъ уже не будетъ. Японцевъ тамъ положили больше 10,000 человѣкъ.

Рассказывали про чиновника Лосева, который, вызвавшись выбить японцевъ изъ занятой ими траншеи на гласисѣ форта № 3, сдѣлалъ это удивительно просто: онъ взялъ нѣсколько бомбъ въ руки и, сопровождаемый стрѣлками, прямо пошелъ по гласису, бросая бомбы въ траншею. Японцы, какъ ошалѣлые, выскакивали изъ траншеи и бѣжали назадъ, а ихъ мѣста послѣдовательно занимались нашими стрѣлками. Тутъ же намъ подробно рассказали, со словъ штабсъ-ротмистра пограничной стражи Сиротко, командовавшего нашей 9 ротой, объ одновременныхъ съ нашими дѣлахъ на сосѣдней Плоской горѣ.

Какъ читателю извѣстно, эта важная для насъ гора была укрѣплена общей траншеей и большимъ редутомъ на вершинѣ, такъ называемымъ Каменнымъ; доступы къ нему были усилены засѣкой и вышеназванной общей траншеей. Занималъ гору 27 полкъ, и комендантомъ ея былъ подполковникъ Будянскій, поразительно дѣятельный и смѣлый штабъ-офицеръ того же 27 полка.

Одновременно съ атаками на Высокую, японцы атаквали и Плоскую гору, предварительно разбивши окопы передъ Каменнымъ редутомъ своимъ артилерійскимъ огнемъ.

17-го ноября быстрымъ натискомъ японцы выбили изъ окоповъ передъ Каменнымъ редутомъ охотничью команду и 4 роту 27 полка, предварительно обстрѣлявши пунктъ атаки ужаснымъ артилерійскимъ огнемъ. Подполковникъ Будянскій взялъ изъ не атакован-

ныхъ окоповъ вторую полуроту нашей 9 роты и приказалъ ей идти на помощь къ выбитымъ ротамъ.

Въ 7 ч. вечера полурота прибыла на мѣсто назначенія и застала охотничью команду уже на своемъ мѣстѣ. Влѣво отъ охотничьей команды хозяйничали японцы. Полурота быстро заняла окопы влѣво отъ охотниковъ 27 полка, выбивъ оттуда японцевъ и этимъ отрѣзала путь отступленія тѣмъ изъ нихъ, которые были у Каменнаго редута, въ этотъ редутъ они уже бросали ручныя бомбы.

Первымъ нумерамъ полуроты было приказано стоять на линіи огня и стрѣлять впередъ, а вторымъ повернуться назадъ и стрѣлять въ японцевъ у Каменнаго редута. Эта неожиданная стрѣльба съ тыла и дружный натискъ нашей 12 роты и 7 роты 14 полка съ фронта, изъ Каменнаго редута навела такую панику на японцевъ, что они бросились назадъ отъ Каменнаго редута прямо въ занятую 9 ротой траншею, и всѣ до одинаго были переколоты нашими молодцами. Тогда всѣ участки были заняты прежде въ нихъ расположенными частями, а вторая полурота 9 роты была отправлена въ свои окопы.

15-го ноября въ 1 ч. дня уже первая полурота 9 роты была отправлена къ Каменному редуту на помощь къ 8 ротѣ 27 полка, на которую японцы сильно насѣли. Въ 2 ч. дня полурота подъ командой фельдфебеля Платонова прибыла къ 8 ротѣ, и командиръ этой роты приказалъ ей немедленно разсыпаться на лѣвомъ флангѣ Каменнаго редута за камнями. Японцы въ это время лѣзли на Высокую Гору и уже выбили съ сѣдловины между Высокой и Плоской горами часть 8 и 4 ротъ 27 полка. Люди этихъ ротъ подались назадъ, но полурота, открывши огонь по наступающимъ японцамъ, заставила ихъ убѣжать въ окопы, а затѣмъ, бросившись въ штыки вмѣстѣ съ отступившими ротами, выбила японцевъ изъ занятыхъ уже ими окоповъ и съ 8 и 4 ротами 27 полка заняла траншею, расположившись на лѣвомъ ихъ флангѣ.

Въ 6 ч. вечера того же числа японцы опять атаковали окопы и, выбивши изъ нихъ 4 и 5 роты, охотничью команду 27 полка и 12 роту 5 полка, заняли окопы. Роты въ безпорядкѣ отступали; но въ этотъ моментъ посланная на помощь первая полурота 9 роты, подъ командой самого штабсъ-ротмистра Сиротко, прибыла къ отступавшимъ. Разсыпавши свой 4 взводъ въ цѣнь, штабсъ-ротмистръ Сиротко загородилъ путь отступавшимъ и повернулъ ихъ назадъ, а 3 взводъ бросился въ занятые окопы и, подвигаясь влѣво, постепенно выбивалъ японцевъ изъ окоповъ. Отступившія роты опять

заняли свои мѣста. Выбивая японцевъ изъ окопа, люди дѣйствовали не только штыками, но и зубами.

Послѣ окончательнаго отбитія японцевъ, это опасное мѣсто было занято ротами 5 полка: 12, 10 и 9, которыя въ теченіе ночи отбили болѣе 4 японскихъ атакъ.

16-го ноября 9 рота была отозвана въ резервъ на заслуженный ею отдыхъ.

17-го ноября охотничья команда отъ 27 полка была выбита изъ своихъ окоповъ. Японцы яростно атаковали Плоскую гору, и комендантъ опасался, чтобы частный успѣхъ японцевъ противъ охотничьей команды, не превратился въ общій, поэтому 9 роту послали занять высоты въ тылу Плоской, гдѣ рота простояла до 12 ч. дня. Но роты 5 полка: 10, 12 и 3 удержали японцевъ и когда штурмъ былъ отбитъ, 9 роту послали на усиленіе лѣваго фланга и для связи съ Высокой горой.

Вечеромъ этого дня второй полуротѣ 9 роты приказано было смѣнить 3 роту нашего полка. Въ это время первая полурота, стоявшая въ нижнихъ окопахъ лѣваго фланга Плоской горы, отбила атаку японцевъ на сѣдловину между Плоской и Высокой горами.

17-го ноября три стрѣлка 9 роты, раненые въ этотъ день, послѣ перевязки возвращались на позицію къ своей ротѣ; ихъ встрѣтилъ генераль Стессель и каждому далъ по Георгіевскому кресту. Это были единственныя награды, говорилъ штабсъ-ротмистръ Сиротко, которыя рота заслужила за 9 дневный, почти непрерывный бой. Впослѣдствіи многіе получили таки награды; но ихъ нужно раздавать или во время самого боя, давъ право награждать, конечно, съ утвержденіемъ впослѣдствіи, командирамъ ротъ въ бою, или непосредственно послѣ боя. Такія награды будутъ имѣть громадное значеніе для поднятія духа частей. Генераль Кондратенко частенько, съ разрѣшенія генерала Стесселя, давалъ кресты нашимъ солдатамъ и очень жалѣлъ, что крестовъ у него было очень мало.

18-го ноября японцы влѣзли на верхъ Высокой горы подъ утесы и начали оттуда обстрѣливать продольно окопы Плоской. Но 9 рота своимъ огнемъ сбила ихъ оттуда.

Часть окоповъ у Плоской горы у самага утеса была самая опасная—на нее японцы изъ своей сапы выскакивали безпрестанно; эта часть окоповъ неохотно занималась людьми; наблюдать за ними было очень трудно, и она часто оставалась совершенно пустою.

На это обстоятельство штабъ-ротмистръ Сиротко обратилъ вниманіе коменданта горы, когда посланные имъ стрѣлки донесли ему объ этомъ неопозволительномъ фактѣ.

19-го ноября 9 ротѣ приказано было занять почти разрушенныя окопы на плато передъ Каменнымъ редутомъ (самые опасныя); они были переполнены трупами и нашими, и японскими (работа трехъ атакъ 9 и 10 ротъ нашего полка 14-го и 15-го ноября).

Японская сапа подошла къ этимъ окопамъ шаговъ на 20—30. Въ этомъ окопѣ 9 рота пребыла до 2 ч. 21-го ноября.

Въ это время роты пироксилиновыми бомбочками, которыя подносились къ передовымъ линіямъ особыми для того назначенными командами, отбили безчисленное множество японскихъ атакъ. Въ 2 ч. дня 9 рота послѣ 9 дневнаго непрерывнаго боя была отведена на отдыхъ въ штабъ полка, потерявши за эти бои убитыми и ранеными болѣе 60% своего состава, а за все время войны она потеряла 160%. Въ теченіе этихъ 9 дней рота, не имѣя ни сна, ни отдыха, то занимала окопы и выдерживала страшный артилерійскій огонь, то выбивала непріятеля изъ занятыхъ имъ окоповъ огнемъ, бомбами и штыкомъ, то отбивала штурмы настойчиваго врага и нигдѣ и ни разу не дрогнула подъ его напоромъ.

Н. Третьяковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

